

Размышления в связи с собственным девяностолетием

В этом году исполняется 90 лет известному азербайджанскому и российскому писателю, литературоведу, культурологу и переводчику, доктору филологических наук, профессору, заслуженному деятелю искусств Азербайджана Чингизу Гусейнову. Редакция долго думала над тем, кто же мог бы кратко и в то же время емко осветить его творческий путь, и тут на помощь пришел сам юбиляр. Подобно известному персонажу Узеира Гаджибекова, он, взглянув в зеркало, воскликнул: "Право же, не знаю, с чего это меня называют стариком!" - и предоставил свои собственные «Размышления в связи с собственным девяностолетием». Редакция благодарит Чингиз-муаллима (Учителя Чингиза) за честь опубликовать эти размышления и желает ему долгих лет жизни, здоровья и новых творческих успехов.

От редакции

Мои друзья, в перечне которых отражена суть бакинства (но тогда об этом ведать не ведали). Слева направо: я азербайджанец, еврей Изя Либерман, полурусский Игорь Гличёв, русский Саша Горин (1945 г.)

Есть азербайджанская поговорка: *Səksən, doxsan – bir gün varsan, bir gün yoxsan*; подстрочный перевод вымывает из нее некую ауру: *Восемьдесят, девяносто, день – ты есть, день – тебя нет...* И я как-то сочинил нечто вроде афоризма: «Когда живёшь – во всём ищешь смысл, когда проживаешь – во всём видишь бессмыслицу», но с некоторых пор добавляю долю оптимизма: «... но лучше жить,

ища во всём смысл».

За шесть десятков лет сочинительства (член Союза писателей СССР-России с 1959 года!) я жил также и жизнью своих героев, ибо **в каждом вымышленном современном или реально историческом персонаже есть и я со своим, кажется, врождённым чувством справедливости, духом протеста против фальши**, убеждённый, что самый великий грех – это заставлять язык врать, приучать язык ко лжи.

Лишь после пяти изданных книг на азербайджанском, с первым романом я понял, что истинное сочинительство – это когда душа до пределов наполнена тем, с чем мириться нельзя, и не можешь не выговориться, - в этой мысли ничего нового нет, но каждый реализует её по-своему, избавляясь через письмо.

И так до следующего накопления в душе нетерпимого и - чтобы избавиться!

Выговориться из чувства самоуважения к себе, что я не слепой, всё вижу и понимаю, не хочу закрывать глаза, не терплю, презираю и открыто о том заявляю.

И частая полемика с самим собой, **перо непри-**

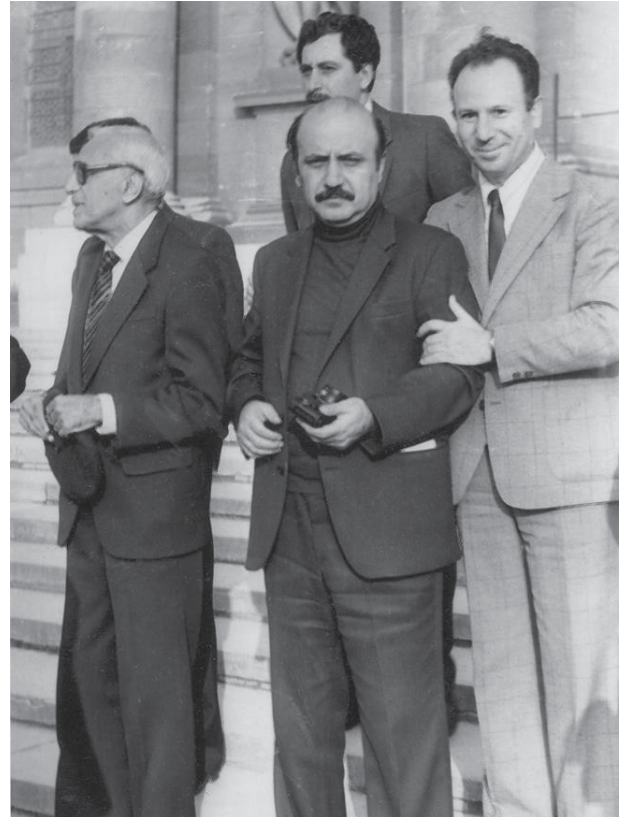
миримо, а жизнь моя протекает в рамках общепринятых норм; я конформист, однако не поддакивающий ни при каких обстоятельствах злу, нет и не может быть никакого компромисса в творчестве.

«Магомед Мамед, Мамиш» (1975) явился и первым опытом самоперевода отвергнутого оригинала, и **хотелось в национальной стилистике подчеркнуть переводной характер произведения, не желая представлять его сочинением русского писателя, каковым себя субъективно не ощущал**, и критика впоследствии по-разному определяла мой статус: азербайджанский писатель, обтекаемое *двуязычный*, длинное: *азербайджанский писатель, пишущий по-русски*, а то и даже русский. Ведь большинство моих романов существует на русском, за исключением «Фатального Фатали» (на русском 1983, 27 п.л., на азербайджанском кириллицей 1986, 43 п.л., и латиницей «Fətəli fəthi»+, но тут у меня иной опыт самоперевода: уже с русского на азербайджанский, более сложный, ибо в процессе работы приходилось **пересаживать произведение из почвы русской художественной традиции на почву азербайджанскую**, ощутил диктат читателя, языка, и чтобы не звучало как перевод с русского, а как оригинальное, не переводное, чего в первом опыте самоперевода я как раз добивался.

Работа с двумя языками: то ты один, а то вас двое, и оба, случается, не понимают друг друга. В моём случае – это стихия с взаимопереходами языков, некая раздвоенность при единстве. А в тексте – точно единый поток двух языков, слышимого и скрытого.

Но что есть родной язык? *На котором думаешь? Верно, но недостаточно. На котором видишь сны?* Но во сне, случается, говоришь, на языке, который тебе неведом: однажды шпарил, удивляясь знанию, на армянском! *На котором легче изъясняешься с любимой?..* А вот мой ответ: *Родной тот, который не помнишь, когда впервые услышал.* Не помню, когда услышал первое слово ни на русском, ни на азербайджанском: дома только на нашем, а в коридоре, выйдя за дверь, и далее – господствовала речь русская.

С годами уразумел, что Москва явилась для меня в некотором роде подпольем, где я, несвободный в самовыражении в пределах республики, был относительно свободен в пространстве страны, и, вооружённый родным русским словом, мог тво-

Дни Азербайджана, представляющего СССР, во Франции (1984 г.): Иса бей Селимханов, доктор химических и доктор исторических наук; Рамиз Абуталыбов, советский и азербайджанский дипломат; и я

рить, - иначе б не увидел свет ни один мой роман!..

Признаюсь, что в условиях суверенитета интенсивно развивается азербайджанский язык, который **в общении с родственными тюркскими языками, главным образом турецким, что прежде было идеологически запретным** (в этом усматривался... пантюркизм!) **раскрепостился**,

Я с женой Еленой Твердисловой

1982 г. Сквер Мирзы Фатали Ахундова в Баку (к роману «Фетели фетхи», или «Фатальный Фатали»). При проявке фото заметил, что на скамейке сидит - такая вот случайность - живущий неподалёку писатель Абульгасан, старейшина азербайджанской литературы, чей роман «Мир рушится» выходил в Москве в моём переводе на русский язык

стал обогащаться лексически и синтаксически, обрёл животворный дух, - это чудо наблюдается не только в поэзии и прозе, но и в эссеистике, публицистике, в целом журналистике, и требуется дерзость, чтобы тягаться с этим уровнем, выйти на него.

... Мой герой Мамиш - годы-то советские! - думает одно, правдолюб, но стоило ему чуть-чуть заикнуться, - боже, что с ним стало!..

«... Мамиш спешит.

Не угонишься за ним.

«Надо, непременно надо!»

Вдруг остановился, поднял голову и неотрывно смотрит на низко бегущие хмурые облака, гонимые северным ветром. Случайная крупная холодная капля обожгла висок, а тучи бегут и бегут. И впечатление, что угловой дом, похожий на старый, но все еще крепкий корабль, стремительно несется

по вспльчивому Каспию, и отвисшие клочья туч цепляются за телевизионные антенны.

Идет и идет. Ветер сорвал с петель оконную раму, осколки стекла посыпались на улицу. Лето, а какой злой ветер!..

Запахло шашлыком. Шашлык и вправду ждать не любит. Он вкусен, когда только что снят с красноглазых углей, обжигает пальцы. Но запах обманчив: то ли барашек на вертеле, то ли осла клеймят.

А вот и второй мой роман, - «о жизни, уже однажды прожитой» в XIX веке **моим историческим персонажем Фатали**, под чьими погонами чиновника-подполковника в Кавказском наместничестве в Тифлисе билось сердце противника колониальной политики царизма («Неизбежность», 1981), а заодно утверждающий важную параллельную сюжетную линию движения Шамиля, борца против российской экспансии, с кого (когда писал

Дни литературы Азербайджанской ССР в РСФСР. Встреча в «Литературной газете». Слева направо (стоят): поэт Наби Хазри, писатель Ахияр Хакимов, сотрудник «ЛГ», Яков Садовский, бакинец-журналист, поэт Алиага Кюрчайлы, поэт-переводчик Анисим Кронгауз, прозаик Гасан Сеидбейли, поэт-переводчик Владимир Кафаров, поэты Бахтияр Вагабзаде и Фаик Джемджемли, я, литературовед Яшар Караев; (сидят) Тертерян (имя не помню, зам. главного редактора «Л.Г.»), прозаик Халида Гасилова, Валентина Панкина, зав. «Отделом литературы народов СССР» в «ЛГ», поэт Расул Рза, прозаики Мирза Ибрагимов, Байрам Байрамов и Имран Касумов (1964 г.)

роман) так и не было снято обвинение в ненависти к русскому народу, антируссизме.

И три этапа жизни Фатали, фигуры, неизбежной в своём появлении в условиях деспотии: иллюзии юности, их нескончаемый кризис, вспыхнувшая вдруг скоротечная надежда в пятидесятых, - смерть деспота, а ведь всем в империи казалось, что трудно обмануть звезды, предсказавшие уничтожение тирании; и крах, беспросветный мрак в семидесятых.

Прожил я и жизнь двух бывших друзей-антиподов, героев романа «Доктор N» (1996) **Наримана Нариманова и Мамед-Эмина Расулзаде**.

Первый утвердил в Азербайджане под защитой красных штыков советскую власть, а потом, за месяц до загадочной смерти, в которой сталинский след явственно был замечен, прозрел – понял, что никакого социализма нет, а есть деспотическое государство, именуемое СССР, чьим первым президентом (одним из четырёх председателей ВЦИК) ему было суждено стать.

Второй, чью жизнь тоже пропустил через себя, основал первую недолговечную демократическую Азербайджанскую республику, и все последующие годы прожил вне родины с постоянной тоской о ней, в эмиграции, а ныне - в Стамбуле, преданся воспоминаниям, год 1954-й, но верит, что наступит время, и народ узнает о нём.

«...Наримана давно нет, умер и Коба-Сталин в

день, когда в Турции праздновалось пятисотлетие завоевания Константинополя, ставшего Стамбулом, *Ислам бол, или Много ислама*, Мамед-Эмин пишет воспоминания **о своем давнем спасителе, которого прежде не раз спасал сам, - кто мог знать, кого спасал? А потом бежал от него**, - записки пространные, договорился с газетой *Дюнья (Мир)*, из номера в номер будут печатать, - о величайшем тиране всех времен и народов, достойнейшем наследнике всех прошлых неронов и чингисханов, плюс демагоге, террористе-экспроприаторе. Еще о чертах его *духовной физиономии*: мстительный и вероломный, завистливый и лицемерный, наглый и хвастливый, упрямый... – скоро, чувствует Мамед-Эмин, и его самого не будет. Одно лишь близкое существо - полька Лильяна, его Лейла. Поймал бакинскую волну, родные звуки: и речь, и музыка Узеир-бека... Да, *вычеркнут* из памяти народа, как, впрочем, и Нариман, объявленный... – о, гримасы истории: **трубил о братстве наций, поддакивая лицемерным вождям, — и националист?!** Возглавлявший, как о том кричали со всех трибун, власть трудящихся, и — враг трудового народа?.. Волна, на которой только что звучал божественный голос Бюльбюля (газель Низами *Без тебя*), и стамбульская квартира была залита щемящей мелодией, она плыла над огромным городом, самым красивым в мире, вдруг заглохла, пошли хрипы-помехи, мешанина чужих речей, а потом гнетущая

Дни культуры Азербайджанской ССР в Таджикской ССР. Слева: председатель Союза писателей Азербайджана Мехти Гусейн, я, поэт Мамед Рагим. 1962 г.

тревожная тишина...»

А далее – коранического мотива повествование «Не дать воде пролиться из опрокинутого кувшина» (2003) о пророке Мухаммеде, кому был ниспослан Коран с заглавной в нём мыслью **утвердить преемственность ислама с иудаизмом и христианством:**

«Воистину, ниспосланное [Коран] — Писание!» «То, что Мы тебе явили, — истинно подтверждает истинность того, что прежде являли» (Тору-Таврат и Евангелие-Инджил). «Ниспослал Бог тебе Истину, чтоб истинность того, что прежде до тебя было Им ниспослано, подтвердить». «И эта Книга, что тебе Мы ниспослали, на пророчество благословив, подтверждает истинность ниспосланного ранее» (35/31, 6/92, 3/3,50).

И призыв, обращённый к монотеистам, **опережать друг друга в совершении благих дел:**

«Всякому из вас Мы устроили дорогу веры, праведный дав путь. Если б захотел Бог, сделал бы вас народом Он единым, чтоб испытать на верность вас всему тому, что даровал Он вам. Старайтесь же опередить друг друга в праведных делах. К Богу — конечный ваш возврат, и сообщит Он вам, в чём разногласили!»

А двигатель моего вот уже почти тридцатилетнего интереса к Корану - с одной стороны **защитить его от немусульман**, порой в фанатическом рвении прилюдно сжигающих Коран, а с другой **активно противостоять фанатикам-мусульманам**, которые превращают Коран в орудие убийств «неверных».

Но – довольно грустного в преддверии «волшебного», как назвал кто-то невзначай мою юбилейную дату: вот уже который год я живу жизнями двух своих героев, пытаюсь постичь-проникнуть в их миры, - азербайджанского москвича Микаила МамедОвича, разлучённого с родиной, он к тому же намного моложе меня, и бакинского азербайджанца Каляма, это собственное имя, из редких, - слово, взятое, как и многие имена азербайджанцев, из Корана, и Калям пытается реализовать в полной мере смысл своего имени как «Божественного Пера», **данного нам не забавы ради, а чтобы сказать не просто правду, а Правду большую.** Вот-вот, кажется, завершу, но дело упирается в финал, который пока не вырисовывается, а без него... - тут у меня есть смешная присказка: «Əsəri fınallamaq – kəhər atı nallamaq», то бишь: «Найти финал – это как подковать скакуна», чтобы он мог уверенно проскакать «Длинные дистанции короткого пути» (так называется новый роман). 🌟

Москва – Иерусалим (добавить бы и Баку!)
Январь, 2019

... Over the six decades of writing, I also lived the life of my characters because in every fictional modern or historical character there is me with my seemingly innate sense of justice, a spirit of protest against falsehood, a conviction that the greatest sin is to force your tongue to lie.

Only after five published books in Azerbaijani did I realize that true writing is when the soul is filled to the limits with what you cannot put up with and can't help saying it out of self-esteem. After all, I am not blind, I see everything and I understand. I don't want to turn a blind eye to something I hate and despise, and I openly declare